

УДК 930.2(47)''11/12''(045)

*В.В. Долгов***ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА НОВГОРОДСКОЙ I ЛЕТОПИСИ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹**

В статье рассматривается историография проблемы авторства Новгородской I летописи. Начало научного поиска в этом направлении было заложено В. Н. Татищевым, который приписывал авторство попу Иоанну, упомянутому в младшем изводе летописи. Затем научной общественности стало известно имя Тимофея-пономаря, читаемое в старшем изводе. Эта находка дала начало размышлениям историков и филологов над соотношением вкладов двух этих клириков в создание летописи. Ученые предлагали различные концепции. Собрать имеющиеся в летописи упоминания в единую систему пытались М. М. Щербатов, митр. Евгений Болховитинов, арх. Филарет Гумилев, Е. Е. Голубинский, Д. И. Прозоровский, М. М. Погодин, П. А. Лавровский, И. А. Тихомиров и др. В ходе работы делались важные наблюдения. В качестве автора ранних частей летописи был предложен еще один новгородский клирик – поп Герман Воята. Иногда рассуждения приводили исследователей к курьезным ошибкам: И. П. Сенигов «изобрел» «летописца Порфирия». Работа над проблемой авторства Новгородской летописи способствовала формированию критического научного метода изучения древнерусского книжного наследия. В настоящее время проблема авторства может считаться вполне решенной в работах А.А. Гиппиуса.

Ключевые слова: летописи, Новгород, Иоанн-поп, Тимофей-пономарь, В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, митр. Евгений Болховитинов, арх. Филарет Гумилев, Е. Е. Голубинский, Д. И. Прозоровский, М. М. Погодин, П. А. Лавровский, И. А. Тихомиров.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-31-43

В настоящее время вопрос об авторстве Новгородской I летописи можно считать в целом решенным. А. А. Гиппиусу удалось собрать сложный «пазл» разнообразных свидетельств в непротиворечивую картину [4; 5]. Однако прежде чем наука смогла выработать концепцию, которая объединила имеющиеся факты в стройную систему, она прошла немалый путь. Этот путь был отмечен успехами и неудачами, важными попутными выводами и методологическими достижениями. Путь этот представляет историографический интерес. Ему посвящена эта статья.

Для историографии новгородского летописания важны имена двух новгородских клириков: попа Иоанна и Тимофея-пономаря. Оба имени читаются в аналогичных пассажах двух изводов Новгородской первой летописи. В старшем изводе указан Тимофей-пономарь [11, с. 70], а в младшем Иоанн-поп [11, с. 278].

Поскольку раньше в научный оборот был введен Академический список, Иоанн некоторое время чаще упоминался в качестве автора летописного текста. Тем более, что В. Н. Татищев иногда именовал Академический список Новгородской I летописи по имени попа Иоанна. Потом, когда ученой общественности стало известно имя Тимофея, эта атрибуция подверглась корректировке. Хотя поначалу некоторой путаницы избежать не удалось. Так, князь М. М. Щербатов отмечал, что изучаемый им «Летописец Новгородской Харатейной без начала» написан двумя почерками, принадлежащими двум «писателям». Один из них, «первой, который и имя свое упомянул противу 1230 году *Тимофей пономарь*, и следовательно современной *Иоанну* священнику Новгородскому, о коем выше мною упомянуто, которого писание является окончилось в 1234 году» [24, с. XI]. То есть Щербатов, судя по всему, не сличал непосредственно тексты, и поэтому не подумал, что Иоанн и Тимофей не могут быть современниками: имя одного явно вставлено *вместо* имени другого.

В остальном же рассуждения князя были вполне логичны. Поскольку Тимофей упомянул себя под 1230 годом, а почерк, которым сделано это упоминание, продолжается до 1234 года, Щербатов считал Тимофея автором текста, который потом стал продолжать другой, неизвестный книжник: «Мнение мое, что двоя писателей оной писали основано на том, 1-е, что означенный Тимофей пономарь, упоминая о себе противу 1230 году, яко о тогда живущем, не мог до времени, где кончится сей

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Русской цивилизации «Светославъ» в рамках научного проекта по теме: «Создание и подготовка к изданию научной биографии Александра Невского: государственного деятеля и полководца» проект №1/2022.

летописец жить. 2-е, что самое правописание есть разнственно; ибо дабы между прочим предложить пример, в первой части Георгии везде пишутся Гюрги, а в последователе Юрья, и почерк письма, также и чернилы являются отличны» [24, с. XI].

Одним из первых вопросу авторства Новгородской первой летописи посвятил отдельную небольшую, но обстоятельную энциклопедическую статью митрополит Евгений Болховитинов [8, с. 255]. Цепкий взгляд ученого архиерея заметил еще одну запись в летописи, которая могла пролить свет на авторство текста. Она помещена в Синодальном списке, т. е. НПЛ ст., под 1144 г.: «Въ то же лето постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ» [11, с. 27]. Вот тут-то, кажется, и можно было бы разрешить проблему. Но, увы: запись о проставлении попом читается в Синодальном списке, в котором значится пономарь (не поп!) Тимофей. А в Академическом, где фигурирует поп Иоанн, запись о поставлении в попы отсутствует.

Митрополит Евгений пытался найти непротиворечивую версию эволюции текста, которая бы объясняла эту странность. Сейчас запись о проставлении связывают с другим новгородским клириком – Германом Воятой, однако Евгений стремился увязать ее именно с Иоанном. Он сконструировал весьма своеобразную историю. По его мнению, и Иоанн, и Тимофей были авторами летописи. Иоанн – начинателем, а Тимофей – продолжателем. Однако имена их, согласно этой реконструкции, они вносили в текст не сами. Это делали более поздние редактора и переписчики. «Вероятно, что переписчик Татищева списка, ведая из надписи, или по чему другому, что Летопись сия первоначально писана Попом Иоанном, пропустил однакож замечание о посвящении его в Попы, но после, не соображая расстояния времени, счел за справедливейшее поставить имя начального Летописателя там, где надлежало действительно стоять уже имени продолжателя его, Тимофея Пономаря» [8, с. 256]. То есть переписчик Академического списка по какой-то причине пропустил упоминание Иоанна в том месте, где ему следовало бы быть, под 1144 годом, а потом решил исправить это упущение, и поставил его под 1230, где его уже быть не должно.

Версия митр. Евгения могла показаться читателю логичной только при самом беглом прочтении. Для того чтобы она состоялась, митрополиту пришлось сделать сразу несколько произвольных допущений.

Во-первых, о том, что переписчик знал откуда-то, из какого-то несохранившегося источника, что летопись написана Иоанном.

Во-вторых, о том, что, зная имя автора летописи, тем не менее он допустил ошибку и пропустил его там, где ему надлежало быть.

В-третьих, необходимо было предположить, что, углядев оплошность, переписчик решил его исправить таким странным образом: поставит имя автора там, где его быть не должно.

И, наконец, в-четвертых, нужно было допустить, что переписчик, взявшись исправлять собственную ошибку, не примет во внимание, что если даже поп Иоанн действительно писал эту летопись, и был рукоположен в 1144 году, то присутствовать на похоронах игумена Савы в 1230 году он вряд ли мог, поскольку уже и сам к тому времени, скорее всего, умер.

Таким образом, количество предположений было слишком велико. Однако митрополиту, видимо, жаль было терять такого прекрасного персонажа: «летописца-священника Иоанна». Тем более что без привлечения некоторой доли вольных допущений и фантазии энциклопедическая статья о нем оказалась бы слишком куцей. Поэтому Евгений все-таки допускает, что упомянутый Иоанн жил не в XIII, в XII веке. Такая перестановка открывает новый простор для еще более драматичных сопоставлений. Такие случаи можно нередко наблюдать в работе самых разных авторов: стоит только немного «подогнуть» в нужном направлении реальность, как вся остальная цепочка начинает выстраиваться на диво удачно.

Перенеся имя Иоанна в XII в., митрополит Евгений получил возможность сопоставить его с другим весьма известным Иоанном – новгородским архиепископом Иоанном II, почитаемым русской православной церковью в лике святых. Иоанн II был хиротонисан во епископа в 1165 году, а в 1186 году, после двадцатилетнего служения, скончался, приняв схиму. Скончался он, очевидно, человеком в преклонных годах, поэтому его рукоположение в попы в 1144 году выглядит вполне естественно и хорошо вписывается в обычный распорядок человеческой жизни. Кроме того, архиепископ Иоанн был уроженцем Новгорода и новгородским патриотом. Тут тоже все складывалось как нельзя лучше: для архиепископа было вполне естественно живо интересоваться новгородскими делами и фиксировать их на страницах летописи. Кроме того, митрополит Евгений смог отыскать и наставника Иоанна в летописном деле – это был «Нифонт, Епископ Новгородский, в бытность свою еще Игуменом на Волыни продол-

жал после Сильвестра Нестерова Летопись и много описал Волынских дел, то вероятно, захотел он Иоанна сочинить Новгородскую Летопись, которую потом продолжал Пономарь Тимофей, а по нем другие» [8, с. 258].

Анализ текста, впрочем, показал митрополиту Евгению, что деяния архиепископа Иоанна даны в летописи весьма слабо. Однако это легко можно было объяснить скромностью архипастыря. Зато правление Нифонта описано в превосходных выражениях, что тоже весьма просто объяснялось старанием благодарного ученика по возвеличиванию личности учителя.

Приложив изрядные старания к реконструкции личности попа Иоанна, пономаря Тимофея митрополит Евгений описал уже по остаточному принципу: «Тимофей, Пономарь, продолжал после Иоанна Священника Новгородскую Летопись, напечатанную в Москве 1781 г. в 4 долю листа, где под 1230 годом сам он о себе упоминает. Он подробно описал под годом 6748 Жизнь Александра Невского, яко современник ему и многому самовидец. К сему смотри выше статью об Иоанне Священнике Новгородском» [8, с. 265].

В общем и целом, такой взгляд соответствует выводам современной науки. Но система доказательств, которую используют современные исследователи, не так проста, а митр. Евгений исходил, судя по тексту энциклопедической статьи, из довольно простых и понятных резоннов. Имя пономаря Тимофея фигурирует в Синодальном списке (который Евгений именует «московским изданием»), как живущего в 1230 году. Поскольку имя Иоанна в этой позиции, по мнению митрополита, поставлено ошибочно, значит, именно Тимофей был современником князя Александра Невского, и, следовательно, именно он описал его «Жизнь».

Несмотря на некоторую шаткость, идеи митрополита Евгения были поддержаны коллегами. В современных обзорах историографии новгородского летописания его иногда забывают (что в общем-то понятно), но в I пол. XIX в. на высказанные им идеи ссылались как на весьма авторитетные. Например, атрибуция митр. Евгения не вызывала сомнения у член-корреспондента Петербургской АН И.С. Снегирева, первым сопоставивший имя Тимофея-пономаря летописи с именем Тимофея-пономаря новгородского пролога, принадлежавшего почетному гражданину А. И. Лобкову – т. н. Лобковского пролога. Описание этой рукописи было опубликовано в 3 книге III тома Русского исторического сборника, редактируемого М. П. Погодиным [19, с. 291–296].

Архиепископ Черниговский и Нежинский Филарет (Гумилевский) создал труд, который и по форме, и по содержанию напоминал работу митрополита Евгения. Вышел он в Харькове в 1859 г. назывался – «Обзор русской духовной литературы». Церковное библистическое образование, очевидно, способствовало обретению вкуса к систематизации и созданию компендиумов.

Сочинения обоих архиереев были фактически большими справочниками по литературному наследию древнерусского духовенства. В издании Филарета не было статьи о попе Иоанне, зато была статья о св. Иоанне II. В этой статье архиепископ со ссылкой на труд митрополита писал: «Словарь (I, 255, 258) основывает мнение о св. Иоанне, сочинителе Новгородской летописи, на том, что под 1230 г. в одном списке летописи написано: «и мне грешному Иоанну попови», а под 1144 г. записано: «в тоже лето постави мя попом архиепископ святой Нифонт». Что св. Иоанн († 1186 г.) мог быть посвящен в священники в 1144 г., это вероятно: он умер в глубокой старости. Заметки современника в 1-й Новгородской летописи видим под 1138, 1145, 1156, 1161 годами. Вот основания, по которым более чем вероятно, что св. Иоанн писал летопись» [22, с. 38]. То есть мы видим, что Филарет полностью повторяет соображения Евгения, добавляя к ним некоторые свои размышления.

Относительно Тимофея-пономаря Филарет высказал больше самостоятельных суждений. Подобно Евгению, он считал Тимофея не просто переписчиком летописи, но автором текста. К этому утверждению он приводил несколько доказательств. Во-первых, Филарет считал, что время составления летописи можно вычислить по тому, что в самом начале младшего извода летописец обозначил свое намерение вести повествование «до сего лета», а затем конкретизировал, что хронологический отрезок взят им в таких пределах: «от Михаила цесаря до Александра и Исакия» [11, с. 104]. Далее Филарет рассуждал: «Между Константинопольскими императорами известен один Исакий – это Исакий Ангел, который взошел на престол в 1185 г.; в 1195 г. ослеплен братом своим Алексеем Ангелом, а в 1203 г. царствовал вместе с Алексеем IV, и задушен Мурцуфлом, у которого в 1204 г. отняли Царьград латиняне» [22, с. 44]. То есть «настоящим временем» (или, как минимум, недавним прошлым) для летописца было начало XIII века. Поскольку имя Иоанна-попа, согласно ранее приведенным ссылкам на словарь митр. Евгения, попало в младший извод летописи по недоразумению, то по-

лучалось, что это именно Тимофей-пономарь присутствовал на похоронах игумена Савы, а, следовательно, жил как раз в это время, в начале XIII века. Годом окончания работы Тимофея Филарет считал 1230 год. Такой вывод делал он на том основании, что «с 1232 года в нынешней первой Новгородской летописи начинаются разности по спискам ее» [22, с. 45]. Таким образом, Филарет постарался свести в непротиворечивое целое различные хронологические оговорки летописца, его выводы отличаются от выводов, сделанных новейшими исследователями, однако его подход был методологически плодотворным.

В рассуждениях архиепископа Филарета относительно Тимофея-пономаря интересны еще два момента. Во-первых, он обосновал мысль о связи Тимофея с церковью св. Иакова в Неревском конце. Во-вторых, указал, что Тимофей является создателем и других рукописей. В данном вопросе он сослался на мнение И. С. Снегирева. И, в-третьих, уделил внимание социальному статусу Тимофея: «Пономарь летописец? По-нынешнему, это странность. Но не так было в давние времена» [22, с. 45]. Это последнее замечание особенно примечательно. Очевидно, наблюдая современных ему пономарей, архиерей не мог вообразить их за выполнением какой-нибудь интеллектуальной работы, сравнимой с его собственной ученой деятельностью. То, что летопись писал пономарь его, удивляло. Однако Филарет понимал, что в «давние времена» и не такое было возможно.

Надо сказать, социально-антропологический релятивизм Филарета разделяли не все исследователи. Если архиепископ, хотя и удивлялся, но допускал, что пономарь в XIII веке занимался летописанием, то для Е. Е. Голубинского статус пономаря виделся несовместимым со столь сложным делом. Историк русской церкви писал: «знаменитый пономарь Тимофей, которого имя стоит в некоторых списках вместо имени Иоанна попа и который подал некоторым повод заключать, что в период домонгольской у нас пономари были чуть не с академическим образованием, был переписчиком (причем и поставил свое имя вместо имени Иоанна попа. Он известен еще как переписчик Лобковского Пролога 1262 года)» [6, с. 653]. То есть «социальный аргумент» был для Голубинского решающим против того, чтобы считать Тимофея летописцем, а не переписчиком. Аргумент этот считали весомым и другие исследователи [1, с. 264].

Новейшие исследования показали, что Тимофей – не единственный пономарь среди древнерусских летописцев. Л. В. Столярова указывает еще двух: Якова-Творимира, работавшего в XII в., и поп-пономарь Кохан [20, с. 445]. Помимо указанных пономарей свод Столяровой содержит сведения и о таких писцах, в которых можно заподозрить лиц, стоящих по своему положению еще ниже пономаря, не обладающих никаким саном. В маргиналиях значатся «владычии робята» и попы-расстриги. Конечно, преобладающее количество писцов, сообщивших о своем социальном статусе – попы и дяки. Однако, в целом, по характеру рукописных маргиналий можно с большой долей уверенности говорить, что работа писца была далеко не аристократическим занятием. Появление среди писцов пономаря не может считать удивительным.

Вернемся, однако, к историографии новгородского летописания сер. XIX века. Тогда идеи митрополита Евгения Болховитинова, высказанные почти между делом, некоторое время служили отправной точкой для дальнейших рассуждений. Ученые либо солидаризировались с ними, либо оспаривали. Когда речь заходила о двух предполагаемых авторах Новгородской летописи, их определяли по-разному. Так, например, известный библиограф Дмитрий Васильевич Поленов, составляя полное библиографическое описание всех вышедших в свет к тому моменту изданий летописей, в описании издания 1781 года отметил: «Особенность этой летописи заключается еще и в том, что нам известен ее переписчик, который упоминает о себе под 1230 годом (стр. 118)» [12, с. 86; 13, с. 55].

Первым с обстоятельной критикой концепции митр. Евгения выступил известный историк, нумизмат и, как он сам себя называл, «археолог» Дмитрий Иванович Прозоровский. Начинает Прозоровский с оговорки, что, взявшись за критику первых исследователей новгородского летописания, не имеет в виду «уменьшить заслуги двух деятельнейших Археологов, покойных Татищева и Митрополита Евгения, которые много содействовали развитию Русского Древневедения; память их неприкосновенна для каждого из нас, достойна всякого уважения и достаточно ограждена их важными и полезными трудами» [17, с. 6]. При этом, однако, не меньшим своим долгом он считает критическое отношение к научным выводам предшественников: «как люди они могли ошибаться: таково свойство человеческой природы. Мы же, их преемники, ищущие, как и они, истины, обязаны иметь в виду эти ошибки и при случае исправлять их: таким образом желание сих изыскателей открыть истину будет исполнено и труды их достигнут своей цели, будучи выведены на прямую к ней дорогу, с коей они

уклонились единственно не неимению верного компаса» [17, с. 6]. В этой небольшой, но весьма эмоциональной преамбуле историк обозначает свою познавательную программу, которую тут же и принимается реализовывать.

Прозоровский указывает, что авторство Иоанна-попа, на котором настаивал митр. Евгений, является возможным, но и только. Не менее возможными кандидатурами, если рассуждать в рамках методики митрополита, являются еще, как минимум, девять разнообразных Иоаннов, так или иначе проявивших себя в церковной и литературной жизни Древнего Новгорода. Более того, среди перечисленных историком Иоаннов есть такие, которые, с его точки зрения, подходят к делу даже больше того Иоанна, на которого указал митр. Евгений. Таким ему видится, например, Юрьевский игумен Иоанн (упомянутый под 1274 г.), поп Иоанн Легень («...поимя съ собою попа Иванка Легена и инехъ вячьшихъ» [11, с. 41]), и целый ряд других.

И, напротив, принадлежность Новгородской летописи перу св. Иоанна-Ильи видится Прозоровскому маловероятным. К такому выводу его привел анализ фрагмента, в котором упоминает себя Иоанн/Тимофей. Историк обратил внимание на следующее обстоятельство: автор записи просит для себя грешного и для всех христиан молитвы покойного игумена Савы. С его точки зрения, такая просьба была бы уместна в устах пономаря, но в случае Иоанна-Ильи ей представить невозможно: «Тимофей мог так говорить, но относить это к св. Иоанну-Ильи – неприлично; по крайней мере, по сию пору не открыто ни одного памятника, в котором бы Святой муж выставлен был просящим молитв у не причтенного к лику Святых» [17, с. 10]. То есть, по мнению Д. И. Прозоровского, такое обращение было бы вопиющим нарушением условного литературного этикета: святой просит молиться за него несвятого. Сам историк считал это обстоятельство существенным. То есть, конечно, сам св. Иоанн не мог при жизни знать, что станет почитаться как святой, а не зная этого, мог между делом молитвенно обратиться к почившему не святому собрату. Однако в 1230 г. именно св. Иоанн совершенно точно уже умер: его имя было вставлено, согласно концепции митр. Евгения, поздним редактором. По мнению Прозоровского, этот редактор не мог так нелепо ошибиться, и заставить святого произносить столь неподобающие, «неприличные» речи. Довод Прозоровского видится остроумным, хотя и не бесспорным. Можно думать, на его восприятие оказывала воздействие насущная реальность Российской Империи XIX века с ее строгой иерархичностью и чинопочитанием, в ней архиепископ не стал бы кланяться игумену, а пономарь – вполне.

Вместе с тем некоторые методологические размышления Д. И. Прозоровского не потеряли актуальности и до сего дня. Один из самых весомых методологических укоров, сделанных Прозоровским работе митр. Евгения, заключается в том, что преосвященный системно подменяет доказательство события доказательством его вероятности. «Повторю: вероятность не более как вероятность, применяемая и к другим лицам в одинаковой степени, при пособии побочных вероятностей», – отмечал Прозоровский [17, с. 10–11]. Надо сказать, от этой соблазнительной перспективы: выдать возможное за действительное иногда не могут удержаться и новейшие исследователи, за что бывают укоряемы и от новейших критиков². Но Прозоровский был, пожалуй, первым, кто предостерег от увлечения размышлениями на тему вероятности. То есть, правильней сказать, Прозоровский показал, что перечисление указание на вероятность вывода не может быть конечной станцией размышления. Если речь зашла о вероятных выводах, добросовестный подход требует перечислить их все и указать наиболее и наименее вероятные варианты, что и было им сделано.

При сохранении прочих вероятностей, историк считал, что косвенные обстоятельства указывают на то, что автором летописи св. Иоанн-Илья быть не мог.

1. Упомянув поставление в попы, странно было бы не упомянуть рукоположение во епископы.

2. Если бы св. Иоанн-Илья был причастен к летописному делу, это как-нибудь зафиксировалось в иных источниках, коих немало. Иоанн-Илья принимал участие в формировании пособий по каноническим правилам, был автором поучения и пр. Подробное Житие его написано Пахомием Логофетом. То есть в имеющихся письменных источниках должен был хотя бы косвенно промелькнуть его интерес к летописанию. Но и этого нет.

3. Если, допустим, Иоанн был причастен только к началу летописи в бытность свою попом, а

² См. замечание В. Г. Вовиной-Лебедевой: «не все построения Гиппиуса, касающиеся истории текста Нвл, кажутся одинаково убедительными. Часто это догадки, что объяснимо: как и Шахматов, Гиппиус стремится дать объяснения как можно большему числу летописных данных, и иногда объяснения подстроены по следующему принципу: “ничего не мешает” (одно из любимых выражений ученого) предположить то-то и то-то» [2, с. 3–27].

потом перепоручил это дело другому исполнителю, то следы изменения личности автора должны как-то проявляться в тексте. Кроме того, продолжатель, получив архиепископский наказ писать летопись от его имени, вряд ли бы применял для своего патрона эпитет «грешный».

В общем, по совокупности фактов, Д. И. Прозоровский приходит к выводу, что наиболее подходящей кандидатурой на роль упомянутого в тексте Академического списка Иоанна является тот Иоанн, которого он упомянул в своем списке подходящих Иоаннов под номером девять: священник, построивший в 1511 году церковь Пресвятой Богородицы на Вотской дороге. Причем был он не просто переписчиком, а именно автором-составителем особого извода летописи.

Разобравшись таким образом с Иоанном-попом, Д. И. Прозоровский переходит к исследованию личности пономаря Тимофея.

Именно относительно личности Тимофея было сделано самое важное наблюдение Д. И. Прозоровского. Наблюдение, сам ход которого он весьма красочно описал в преамбуле к своей статье: «...может быть, не одну сотню раз перечитал я Новгородскую Летопись; всю ее исписал, исчертил, испестрил, и – остался при старом мнении и Писателе ея; ключ к открытию истины проскользал мимо моего внимания. Раз мне понадобилось справиться в книге, изданной в 1838 году. Перебирая ее, я встретил давно забытую статью, прямо относящуюся к Летописи; прочитав ее, я вспомнил, что два имени этой статьи находятся в Летописи, сличил их, применил к другим местам и темный вопрос прояснился. Только Археолог поймет мою радость при этом случае; спешу поделиться моей находкою» [17, с. 2].

Суть находки в следующем: Д. И. Прозоровский вспомнил об отождествлении летописного Тимофея-пономаря с Тимофеем-пономарем из Лобковского пролога. Для времени Прозоровского открытие Пролога была делом относительно недавним. Сам И. С. Снегирев, напечатавший сообщение об открытии интересной рукописи в Русском историческом сборнике, отождествил упомянутого в ней Тимофея-пономаря с Тимофеем-пономарем летописи [19, с. 293–296]³. Однако, видимо, как это нередко случается, замечание Снегирева поначалу не было замечено коллегами-историками. И тут Прозоровский о нем вспомнил. Для его концепции это был важный, недостающий элемент, который хорошо ложился в цепочку рассуждения.

Ход мысли был следующим: в Лобковском прологе говорится, что Тимофей служил в церкви св. Якова. Важно было понять, какая из трех церквей имеется в виду. Прозоровский обратил внимание на то, что в летописи Торговая сторона Новгорода всегда упоминается в летописи как «та», а Софийская – как «эта». Это позволило заключить, что летописец жил и работал именно на Софийской стороне. Методом исключения он определил, что церковь, в которой служил клирик-летописец – это церковь св. Иакова, находившаяся на Софийской стороне, в Гончарском (т. е. Людином) конце, в Добрыниной улице. Главным доводом в пользу своего выбора историк считал тот факт, что именно эта церковь чаще всего упоминалась в летописи без дополнительного указания на ее местоположение. Именно так должно было происходить, если сам летописец был клирошанином этой церкви и воспринимал ее как нейтральную точку отсчета.

Вообще, вопрос о том, в какой именно церкви служил Тимофей – это не просто вопрос о «месте действия», а вопрос о том, как было организовано новгородское летописание, вокруг какой церковной структуры выстраивалась летописная деятельность. Этот вопрос и в дальнейшем не раз привлекал внимание исследователей⁴. Прозоровский был первым, кто высказал аргументированное мнение на этот счет.

Установив церковь, Д. И. Прозоровский обратил внимание на сообщение, касающееся другого клирика той же церкви – Германа Вояты. О его смерти сообщается под 6696 (1188) годом. Причем, говорится, что Герман служил в церкви св. Якова «полпятьдесят лет». Чтобы понять числительное «полпятьдесят» современный человек, пожалуй, разделит пятьдесят на половину, и получит двадцать пять. Однако в древней Руси, а во времена Д. И. Прозоровского и в русском «захолустье», этим числительным обозначали, как ни парадоксально, «сорок пять». В этом и крылось главное наблюдение

³ Некоторые исследователи, например, Л. В. Столярова, считают автором этого сопоставления Д. И. Прозоровского [20, с. 134], но это не так.

⁴ Н. Л. Подвигина так же считает местом создания летописи Людин конец [16, с. 67–75]. Д. С. Лихачев считал, что Яковлевская церковь, в которой была составлена летопись, располагалась в Неревском конце. По его мнению, на работу летописца оказывало влияние расположение церкви между Софийским двором и уличанской организацией. Такое положение стало причиной проявления в летописи Германа Вояты двух тенденций: близость софийскому летописанию и наличие демократических тенденций [10, с. 213].

Д. И. Прозоровского. Если отсчитать 45 лет вглубь летописной хронологии, мы получим 1144 (6652) год, под которым содержится запись о проставлении автора летописного текста во священники: «Въ то же лето постави мя попомъ архепископъ святыи Нифонтъ» [11, с. 27].

Таким образом удалось выяснить имя первого составителя летописи – им оказался Герман Воята. А продолжателем – его неизвестный ученик, который сделал прочувствованную запись о смерти Германа, и вел летопись далее.

В целом, картина создания текста летописи и ее рукописей представлялась Д.И. Прозоровскому в следующем виде: «от начала летописи до 1188 (6696) года писал Герман, который при отъезде из Новгорода передал свой труд одному из клириков Яковлевской церкви (предположительно); б) от сего до 1273 (6781) года предположение падает на Тимофея, поместившего свое имя в середине этого периода; в) с 1273 (6781) по 1299 (6807) год пропуск, либо потому, что в продолжение 27 лет рукопись лежала без употребления, либо утрачены листы, на коихъ описаны были сии годы; г) далее писали разные неизвестные лица» [17, с. 26]. Причем, рукопись переписана и продолжена преемником Германа, затем продолжена Тимофеем, а потом и его преемниками. Таким образом, был сделан вывод, что «Синодальная Летопись нимало не список, а подлинник, оставленный первым ея продолжателем около XIII века» [17, с. 27].

Выводы Д.И. Прозоровского были в некоторых пунктах оспорены М. П. Погодиным. В кратком виде он изложил их в своих «Исследованиях и лекциях о русской истории». По мнению историка, ни Тимофей, ни Иоанн не являются авторами, а только переписчиками летописи. Не является автором и Герман Воята [14, с. 349–350]. Развернуто, с аргументацией, М. П. Погодин высказался об авторах и переписчиках Новгородской летописи в статье, специально посвященной новгородскому летописанию.

М. П. Погодин писал: «Г. Прозоровский в остроумном своем рассуждении полагает, что поп 1144 года есть тот, который скончался в 1188 году <...> Г. Прозоровский считает его первым сочинителем Новгородской летописи. Странно было бы, рассуждает он, такое обширное упоминание о Германе, если бы он не имел близкого отношения к самой летописи. Полпятыдесят – 45 лет, и точно за 45 лет пред 1188 г., т. е. под г. 1144 находится в летописи известие: поставился попом Архиепископ святой Нифонт.

Прочитав в первый раз расследование г. Прозоровского, я приведен был в искушение почтить Германа Вояту первым летописателем Новгородским; но теперь занявшись тщательным исследованием летописи, отвергаю: Герман Воята был не летописатель, а переписчик.

Почему же?

А вот почему: под 1144 г. он говорит, что посвятил его попом "арх. святой Нифонт". Если бы он был сочинителем летописи, т. е. если бы он вел летопись из года в год, то он не назвал бы Нифонта святым, ибо святым Нифонт мог быть назван только по кончине. Значит, он переписывал летопись уже по кончине Нифонта (†1156), и, переписывая, присовокупил к 1144 г. известие о своем посвящении в попы, тогда случившемся» [14, с. 227–228].

Замечание Погодина в целом не менее остроумное, чем рассуждение Прозоровского, тем не менее не было поддержано последующими исследователями в виду того, что именованные Нифонта святым могло принадлежать руке позднего редактора. Это обстоятельство не перевешивает хронологического совпадения, на которое обратил внимание Прозоровский.

Кроме того, в рассуждении о Германе Вояте М. П. Погодин высказал еще одно соображение, которое, в отличие от предыдущего, закрепилось в историографии и вполне поддержано современными исследователями. М. П. Погодин указал, что летопись должна была вестись не в приходской церкви, а в соборе, т. е. должна была быть связана с владычным двором [14, с. 228].

Однако мнение митр. Евгения и архм. Филарета о том, что летописцем мог быть архиепископ Иоанн-Илья, Погодин тоже отверг. Во-первых, потому, что, раз автором пассажа о проставлении в попы был Герман Воята, то нельзя уже приписывать эту фразу Иоанну-Илье, как это делал митр. Евгений Болховитинов. Во-вторых, «архиепископ Иоанн, столь знаменитый, по своим делам, в истории Новгорода, дал бы заметить о себе непременно, если б был летописателем, так или иначе» [14, с. 228]. В-третьих, известие о проставлении Иоанна во епископы везде в летописи говорится в третьем лице. И, наконец, самое главное: нет никаких причин связывать упоминание о поставлении в попы 1144 г. с Иоанном, эта связь видится Погодину произвольной.

Справедливости ради нужно отметить, что, как было показано, рассуждение митр. Евгения все-таки тоже имело в основаниях хронологический расчет, согласно которому, рукоположение в попы Иоанна-Ильи тоже должно было приходиться примерно на то же время: Иоанн-Илья и Герман Воята

были современниками и ровесниками. Хотя, конечно, скептическое замечание М. П. Погодина: «Какая же причина приписывать это *мя* именно Архиеп. Иоанну?» [14, с. 228] имело под собой весомые основания.

Свою критическую позицию распространяет М. П. Погодин и на Тимофея-пономаря. Впрочем, относительно этого последнего позиция историка определена менее четко. Он не находит четких возражений против того, чтобы считать Тимофея автором летописи. Однако доводы за такое отождествление видятся ему недостаточно весомыми. Поэтому он отдает предпочтение более осторожной позиции: считать Тимофея переписчиком. Погодин обращает внимание на то, что арх. Филарет, указывая на Тимофея как на автора никак не объясняет «отстранение» от авторства попа Иоанна. «Сочинителями оба они в одно и то же время быть не могли, а переписчиками могли» [14, с. 232].

Любопытным кажется Погодину отождествление Тимофея-пономаря летописи и Тимофея-пономаря Лобковского пролога: «Писец пролога, Тимофей пономарь, служил при той же церкви св. Иакова, где был и Герман Воята священником. Очень соблазнительно считать его заодно лицом с Тимофеем пономарем Новгородской летописи, тем более, что почерки судя по снимкам очень сходны, (второй почерк летописи с прологом)» [14, с. 232]. Тем не менее и в этом случае М. П. Погодин занимал осторожную позицию, отмечая, что между 1197 г., под которым по одному из чтений упоминает о себе Тимофей пролога, и 1230 г., под которым аналогичное упоминание дается в летописи прошел довольно большой временной промежуток.

В принципе, конечно, 33 года – срок не такой уж и большой в масштабах обычной человеческой жизни. Пономарь вполне мог прослужить в церкви тридцать три года, и даже больше. Однако, как было сказано, Погодин предпочитал занимать критическую позицию, и не увлекаться перспективами красивых выводов и отождествлений. Тем более в исторической науке на тот момент были исследователи, которые не смущались делать такие выводы: отождествления были.

Интересные рассуждения относительно предполагаемого автора летописи изложил славист П. А. Лавровский. В своей книге об истории языка новгородских летописей он проанализировал текст Синодальной рукописи на предмет встречающихся в ней лингвистических особенностей. Лавровский исходил из бытовавшего до относительно недавнего времени представления о том, что Синодальная рукопись писана тремя почерками: одним почерком писан текст от начала до 61 листа (по тексту это начало 6708/1201 года); второй почерк продолжается до 1234 г., и третий почерк продолжает текст далее. Лавровский проанализировал язык этих фрагментов и пришел к выводу, что с лингвистической точки зрения, разницы между почерком № 1 и № 3 огромна, тогда как № 1 и № 2 отличаются мало: «Особенности языка в Синодальном списке от 1200 до 1234 года, гораздо скорее могут и должны быть сравнимаемы с особенностями первого почерка. И в самом деле, черты языка обоих почерков так сходны, так близки друг другу, что нет никакой возможности предполагать значительного промежутка между появлением тот и другого» [9, с. 153]. Вместе с тем П. А. Лавровский не считал, что № 1 и № 2 написаны одним и тем же человеком, поскольку находил между языком фрагментов некоторую разницу: «в формах во втором почерке не изменилось ничего: те же характерные черты древнего языка, господствующие в первом почерке, повторяются в том же правильном виде и здесь; но в фонетике попадаются уже и отступления, которые тем решительнее говорят в пользу сравнительной новизны этого почерка, что в первом их или нет вовсе, или они чрезвычайно редки» [9, с. 153–154].

Обладателем первого почерка П. А. Лавровский считал некоего попа, условно «Иоанна», оставившего запись о своем проставлении под 1144 г. Или, если принять допущение, что «попом 1144» был Герман Воята, скончавшийся в 1188 году, то продолжателем Германа Вояты, переписавший текст, и доведший до 1200 года. Обладателя второго почерка вполне надежно, по мнению Лавровского, можно было отождествить в тем летописцем, второй и был упомянут в рамках этого фрагмента – Тимофеем-пономарем [9, с. 155].

Интересную роль в историографии вопроса об авторах новгородской летописи сыграл И. П. Сенигов. Он существенно расширил перечень летописных фрагментов, в которых, по его мнению, можно разглядеть указания на личность летописца. К ставшим уже традиционным 1144, 1188 и 1230 гг. он добавил 1207, 1211, 1227 гг. Кроме того, он выделил сообщения летописи, в которых можно было увидеть указание на участие летописца в описываемых событиях: 1138, 1145, 1156, 1185.

Добавленные И. П. Сениговым даты связаны с личностью монаха Порфирия, запись о кончине которого дана под 1207 годом: «Въ то же лето преставися рабъ божи Парфурии, а мирьскы Прокша

Малышевиць, постригся у святого Спаса на Хутине, при игумене Варламе; а покои господи душу его» [11, с. 50]. Порфирия И. П. Сенигов считал летописцем, автором Софийского временника. Основания для этого исследователь видел в следующем.

Во-первых, его внимание привлекло то, что Порфирий – «простой монах» удостоился тем не менее столь основательного поминания на страницах летописи.

Во-вторых, «это известие содержит в себе выражение ("а покой Господи душу его"), которое, как увидим дальше, употреблялось только о летописцах, или о лицах, близких им» [18, с. 99].

В-третьих, И. П. Сенигов считал важным обратить внимание на сообщения 1211 и 1227 года. Первое – о завершении строительства каменной церкви Вячеславом Прокшиничем, сыном Прокши-Порфирия. Второе – о завершении росписи той же церкви тем же Вячеславом.

Гипотеза И. П. Сенигова выглядела, как видим, красиво, хотя и оказалась на поверку более чем шаткой. Ни в одном из перечисленных пассажей нет никаких упоминаний, ни от первого, ни от третьего лица, свидетельствующих о том, что Порфирий имел какое-то отношение к летописному труду. Мы видим несомненное внимание летописца к Прокше-Порфирию и его сыну Вячеславу. Однако причины его кроются в другом. Во-первых, Порфирий, возможно, «простой» монах, т. е. монах, не обладавший никаким архиерейским чином. Однако сам Прокша, несомненно, человек непростой. И он, и его сын упоминаются с отчеством, что уже само по себе является признаком их высокого социального положения. Кроме того, Вячеслав Прокшинич строит и расписывает каменную церковь. Вряд ли стоит понимать это буквально как проведение технических работ. Вячеслав – «спонсор» и организатор строительства. Вообще, Малышевиць – влиятельное новгородское семейство, в некоторых случаях получавшее почести, сравнимые с боярскими [3]. То есть нет никакой причины объяснять внимание летописцев к Малышевицьам некой профессиональной солидарностью.

Однако И. П. Сенигов объясняет именно так. И как было уже с митр. Евгением, сделанное исследователем сомнительное допущение дальше обрастает дополнительными подробностями, придающими ему еще больше веса в глазах автора. В данном случае И. П. Сенигов обращает внимание, что рассказ о преставлении Порфирия встречается не только в старшем изводе летописи, но и в младших. Между тем известия о смерти Германа Вояты там уже нет, исчезает и упоминание о Тимофее-пономаре. Получается, собратья-летописцы почитали Порфирия как значительную личность и спустя долгое время, а Герман и Тимофей были ими вымараны как малозначительные деятели. «Как происхождение этих опущений, так и факт сохранения составителями позднейших списков Новгородского свода летописных данных, указывающих на монаха Порфирия, как летописца, вероятнее всего объяснить стремлением этих летописцев отличить монаха Порфирия от других новгородских летописцев и сохранить потомству имя того, кому принадлежит честь составления Новгородского летописного свода» [18, с. 102].

Таким образом, в лице Порфирия перед нами оказывается крупная фигура, сравнимая по масштабу с Нестором-летописцем. Открытие обещало быть значительным. Однако не случилось по понятным причинам. Драматизма ситуации прибавило еще и то, что выполненную работу И. П. Сенигов планировал защитить как магистерскую диссертацию. Трудности, с которым ему при этом пришлось столкнуться, весьма живописно показаны Н. В. Гришиной [7]. Понятно, что сам диссертант считал причиной долго преследовавших его неудач недоброжелательное отношение коллег. Однако его своеобразное открытие «новгородского летописца Порфирия» показывает, что язвительные отзывы коллег имели под собой объективное основание. Впрочем, магистерская диссертация, частью которой стала работа о Новгородской летописи, все-таки была защищена.

При всей спорности выводов И. П. Сенигова, при всей анекдотичности его карьерных приключений, некоторые наблюдения историка над фрагментами текста, в которых можно усмотреть признак личного присутствия автора летописи при описываемых им событиях, все-таки интересны. Так под 1138 годом описан «гром велий, яко слышахомъ чисто въ исьбе седяше» [11, с. 25], который приключился 9 марта. Это сообщение – непосредственная бытовая зарисовка. Летописец сидит в избе, слышит гром, которому в начале марта еще воде бы совсем не время греметь, удивляется – и делает запись. Конечно, не исключен вариант, что описание мартовского грома – какой-нибудь таинственный литературный троп, значение которого к настоящему времени не восстановить. Однако положение этого фрагмента в композиции летописного текста заставляет думать, что это именно натурная зарисовка и ничего больше.

Следующая статья, отмеченная И. П. Сениговым – 1145 г. Первая ее половина вся посвящена описанию природных аномалий. Причем, описаны они, во-первых, весьма подробно, а во-вторых, в эмпирическом и даже подчас визуальном ключе: «Стояста 2 недели пълне, яко искря гуце, тепле вел-

ми, переже жатвы; потомъ наиде дъжгъ, яко не видехомъ ясна дни ни до зимы; и много бы уиме жить и сена не уделаша; а вода бы больши третьяго лета на ту осень; а на зиму не бысть снега велика, ни ясна дни, и до марта» [11, с. 27].

Кроме того, Сенигов отметил статьи, в которых летописец не столько «принимает участие», сколько высказывает свое мнение о происходящем от первого лица. Такова, например, статья под 1156 г., в которой летописец открывает предложение вводной фразой «мню бо...». Мнение его заключается в том, что смерть архиепископа Нифонта вне Новгорода является наказанием новгородца-ми за грехи. Сама по себе идея для средневекового книжника обычная. Необычным является именно ее подача от первого лица.

Наблюдения И. П. Сенигова не оказали серьезного влияния на решение проблемы авторства Новгородской летописи. Однако они еще раз показали, что летопись – действительно имеет в своей основе записи, которые делались современниками «по горячим следам» событий. Быть может, запись делалась по итогам года, когда зримые подробности еще свежи были в памяти: ясные и пасмурные дни, проливные дожди, неубранное сено, гремющий гром и пр.

В целом же, ко II пол. XIX в. наука имела следующую относительно общепринятую схему развития новгородского летописания:

1. Было установлено, что предположения первых исследователей о причастности архиепископа Ильи-Иоанна к летописному делу не имеют под собой основания. Да и само имя Иоанна, упомянутое в Академическом списке, не может быть связано с каким-нибудь конкретным историческим персонажем. В качестве автора, положившего начало регулярным погодным записям, составляющим основу Новгородской летописи, был предложен Прозоровским и принят научным сообществом Герман Воята, оставивший под 1144 г. сообщение о своем проставлении в попы. Таким образом, Иоанн Академического списка окончательно предстал как неясный поздний переписчик, как фигура, лишенная исторического наполнения.

2. Тимофей-пономарь, напротив, был утверждён в правах на историчность в виду большей древности рукописи, в которой он упомянут, и еще потому, что имя его было найдено в Лобковском прологе. В XIX в. большая часть исследователей считала Лобковский пролог рукописью кон. XII века. Получалось так, что Тимофей жил и работал в кон. XII – нач. XIII веков. Таким образом, было найдено несколько исторических указаний, позволивших вполне аргументированно представить не только имя, но социальные координаты этого древнерусского книжника. Общеисторические доводы хорошо монтировались с палеографическими. «Второй почерк» Синодального списка, охватывал 1200–1234 гг. Это фрагмент содержал упоминание о Тимофее от первого лица. И это же самое время вполне логично атрибутировалось как время жизни и деятельности Тимофея.

Таким образом, картина складывалась вполне логичная. Казалось бы, вопрос можно было считать решенным. Однако и в этой очень стройной картине удалось обнаружить брешь. Сделал это И. А. Тихомиров [21].

Проблема была в том, что именно на период предполагаемой жизни Тимофея приходился самый путанный фрагмент летописи. И. А. Тихомиров задавался вопросом: как Тимофей, современник событий, мог допустить столько ляпов и несообразностей в изложении того, чему сам был свидетелем? Кроме того, в тексте летописи имеются повторы, которые могли возникнуть только в процессе переписывания текста из дублирующихся источников.

И.А. Тихомиров ответил на вопрос следующим образом: по его мнению, Тимофей не был летописцем в том смысле, что не являлся автором какого-то более или менее значительного куска летописного текста. Он лишь был автором небольшой записи, которая в совокупности с другими записями и фрагментами стала основной для работы летописца, жившего существенно позже. Именно он-то, этот поздний летописец, и допустил путаницу в изложении событий с начала XIII века до 30-х гг. Упоминание Тимофея от первого лица было случайно вмонтировано поздним летописцем в этот период и не является указанием на авторство всего текста.

Объяснение И. А. Тихомирова не могло считаться вполне удовлетворительным, поскольку было не понятно: что это мог быть за разрозненный фрагмент, стилистически вполне укладывающейся в летописный дискурс, но не являющийся частью какой-нибудь летописи?

Новый этап исследований, позволивший по-новому посмотреть на процесс создания Новгородской летописи и вовлеченных в него книжников, был начат А. А. Шахматовым. Он определил Тимофея как летописца сер. XIII века [23, с. 128–131], однако не стал вдаваться в сообразование своей

точки зрения с прочным убеждением тогдашнего научного сообщества о том, что Тимофей – фигура нач. XIII века.

Концепцию Шахматова развернул и конкретизировал А. А. Гиппиус, создавший в итоге свою собственную реконструкцию процесса развития Новгородского летописания, которая, как было сказано в начале статьи, на сегодняшний день может считаться окончательным решением проблемы авторства Новгородской I летописи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вздорнов Г. И.* Лобковский Пролог и другие памятники письменности и живописи Великого Новгорода // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 255–269.
2. *Вовина-Лебедева В. Г.* Угасший мир древнерусских летописей: взгляд сегодня // Российская история. 2019. № 4. С. 3–27.
3. *Гимон Т. В.* Летописные данные о новгородском семействе Малышевичей: Конец XII – первая половина XIII в. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): докл. второй науч. конф. (Москва, 7–8 декабря 1999 г.). М., 2001. С. 187–196.
4. *Гиппиус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 3–72.
5. *Гиппиус А. А.* Новые данные о пономаре Тимофее – новгородском книжнике середины XIII века // Информационный Бюллетень. Вып. 25. Специальный выпуск в честь праздника славянской письменности 1992 года в Москве. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН. 1992. С. 59–86.
6. *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. Т. 1: Период первый. Киевский или Домонгольский. Первая половина тома. 1880. XXIV, 793 с.
7. *Гришина Н. В.* Диссертационная история И. П. Сенигова в системе коммуникаций историко-филологического сообщества // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 21–25.
8. *Евгений (Болховитинов, митр.)* Словарь исторический о бывших в России писателях Духовного чина, Грекороссийской церкви. 2-е изд. испр. и умнож. СПб.: Тип. Глазунова, и его иждивением, 1827. Т.1. 343 с.
9. *Лавровский П. А.* О языке северных русских летописей. СПб.: тип. Акад. наук, 1852. 163 с.
10. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 479 с.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.: «Языки русской культуры». 2000. 720 с.
12. *Поленов Д. В.* Библиографическое обозрение русских летописей // Журнал министерства народного просвещения. 1849. Ноябрь. С. 81–134.
13. *Поленов Д. В.* Библиографическое обозрение русских летописей СПб.: тип. Акад. наук, 1850. 148 с.
14. *Погодин М. П.* Новгородские летописи // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. 1857. Т. 6. Вып. 3. Стб. 227–228.
15. *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 5. Период удельный. М.: В университетской тип., 1857. 464 с.
16. *Подвигина Н. Л.* К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи // Вестник Московского университета. 1966. Сер. 9. № 1. С. 67–75.
17. *Прозоровский Д. И.* Кто был первым писателем первой новгородской летописи? // Журнал министерства народного просвещения. 1852. Июль. Часть LXXV. Ч. II. С. 1–28.
18. *Сенигов И. П.* О древнейшем летописном своде Великого Новгорода. Издание Археографической комиссии. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1885. 125 с.
19. *Снегирев И. С.* Новгородский древний пролог // Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей российских. М.: В Университетской тип., 1839. Т. III. Кн. 3. С. 291–296.
20. *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переписчиков древнерусских пергаментных кодексов XI – XIV вв. М: Наука, 2000. 543 с.
21. *Тихомиров И. А.* О Тимофее пономаре, упоминаемом в синодальном списке Первой Новгородской летописи // Журнал министерства народного просвещения. 1887. Март. Часть ССL. С. 28–37.
22. *Филарет (Гумилевский)* Обзор русской духовной литературы. Книги первая и вторая. 862–1863. Изд. третье. С поправками и дополнениями автора. СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1884. 511 с.
23. *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 372 с.
24. *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. Т. 1. От начала до кончины великого князя Ярослава Владимировича. СПб.: Императорская Академия наук, 1770. 400 с.

Долгов Вадим Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
ФГБОУВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: dolgov@udm.ru

V.V. Dolgov

**THE PROBLEM OF THE AUTHORSHIP OF THE NOVGOROD I CHRONICLE
IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-31-43

The article discusses the process of finding a solution to the problem of the authorship of the Novgorod I Chronicle. V. N. Tatishchev laid the beginning of the scientific research in this area. Tatishchev attributed the authorship to priest John, mentioned in the younger version of the chronicle. Later, the scientific community became aware of the name of Timothy the Sexton, mentioned in the older version. This finding gave rise to reflections of historians and philologists on the ratio of the contributions of these two clerics to the creation of the Chronicle. Scholars have proposed various concepts. M. M. Shcherbatov, metropolitan Evgeny Bolkhovitinov, archbishop Filaret Gumilyov, E. E. Golubinsky, D. I. Prozorovsky, M. M. Pogodin, P. A. Lavrovsky, I. A. Tikhomirov and others tried to collect the references available in the annals into a unified system. Important observations were made in the course of the work. Another Novgorod cleric, priest German Voyata, was suggested as the author of the early parts of the Chronicle. Sometimes, considerations led researchers to curious mistakes: I. P. Senigov "invented" the "chronicler Porfiry". Work on the problem of the authorship of the Novgorod Chronicle contributed to the formation of a critical scientific method for studying the Old Russian book heritage. At present, the problem of authorship can be considered completely solved by A.A. Gippius.

Keywords: Chronicles, Novgorod, priest John, Timothy the Sexton, V. N. Tatishchev, M. M. Shcherbatov, Evgeny Bolkhovitinov, Filaret Gumilyov, E. E. Golubinsky, D. I. Prozorovsky, M. M. Pogodin, P. A. Lavrovsky, I. A. Tikhomirov.

REFERENCES

1. *Vzdornov G. I.* Lobkovskij Prolog i drugie pamyatniki pis'mennosti i zhivopisi Velikogo Novgoroda [Lobkovsky Prologue and other monuments of writing and painting of Veliky Novgorod] *Drevnerusskoe iskusstvo: Hudozhestvennaya kul'tura domongol'skoj Rusi* [Old Russian Art: The Artistic Culture of Pre-Mongol Rus]. Moscow, 1972, pp. 255–269 (In Russian).
2. *Vovina-Lebedeva V. G.* Ugashij mir drevnerusskikh letopisej: vzglyad segodnya [The extinct world of ancient Russian chronicles: a look today]. *Rossijskaya istoriya* [Russian history], 2019, no. 4, pp. 3–27. (In Russian).
3. *Gimon T. V.* Letopisnye dannye o novgorodskom semeystve Malyshevichej: Konec XII – pervaya polovina XIII v. [Annalistic data on the Novgorod family of the Malyshevichs: The end of the 12th – the first half of the 13th century]. *Stolichnye i periferijnye goroda Rusi i Rossii v srednie veka i rannee novoe vremya (XI–XVIII vv.): Dokl. vtoroj nauch. konf. (Moskva, 7–8 dekabrya 1999 g.)*. Moscow, 2001, pp. 187–196. (In Russian).
4. *Gippius A. A.* K istorii slozheniya teksta Novgorodskoj pervoj letopisi [On the history of the composition of the text of the Novgorod First Chronicle]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik* [Novgorod historical collection]. St. Petersburg, 1997, issue 6(16), pp. 3–72. (In Russian).
5. *Gippius A. A.* Novye dannye o ponomare Timofee – novgorodskom knizhnike serediny XIII veka [New data on sexton Timothy, a Novgorod scribe of the middle of the 13th century]. *Informacionnyj Byulleten'*. Issue 25. Special'nyj vypusk v chest' prazdnika slavyanskoj pis'mennosti 1992 goda v Moskve. Moscow, Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN, 1992, pp. 59–86. (In Russian).
6. *Golubinskij E. E.* *Istoriya russkoj cerkvi. T. 1: Period pervyj. Kievskij ili Domongol'skij* [History of the Russian Church. Vol. 1: Period one. Kyiv or Domongolsky]. Pervaya polovina toma, 1880, XXIV, 793 p. (In Russian).
7. *Grishina N. V.* *Dissertacionnaya istoriya I. P. Senigova v sisteme kommunikacij istoriko-filologicheskogo soobshchestva* [Dissertation history of I. P. Senigov in the communication system of the historical and philological community]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, History, no. 23 (238), issue 47, pp. 21–25. (In Russian).
8. *Evgenij (Bolkhovitinov, mitr.)* *Slovar' istoricheskij o byvshih v Rossii pisatelyah Duhovnogo china, Grekorossijskoj cerkvi* [Historical Dictionary about the writers of the Spiritual order, the Greek-Russian Church, who were in Russia]. 2-e izd. ispr. i umnozhen. St. Petersburg, Printing house of Glazunov, 1827, vol. 1, 343 p. (In Russian).
9. *Lavrovskij P. A.* *O yazyke severnyh russkikh letopisej* [On the language of northern Russian chronicles]. St. Petersburg, Publishing house of the Academy of Sciences, 1852, 163 p. (In Russian).

10. *Lihachev D. S.* Russkie letopisi i ih kul'turno-istoricheskoe znachenie [Russian chronicles and their cultural and historical significance]. Moscow: Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1947, 479 p. (In Russian).
11. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov [Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions] Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles], vol. 3. Moscow, Languages of Russian culture, 2000, 720 p. (In Russian).
12. *Polenov D. V.* Bibliograficheskoe obozrenie russkikh letopisej [Bibliographic review of Russian chronicles]. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Education], 1849, November, pp. 81–134. (In Russian).
13. *Polenov D. V.* Bibliograficheskoe obozrenie russkikh letopisej [Bibliographic review of Russian chronicles]. St. Petersburg, Publishing house of the Academy of Sciences, 1850, 148 p. (In Russian).
14. *Pogodin M. P.* Novgorodskie letopisi [Novgorod Chronicles]. Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk po Otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti. 1857, vol. VI, issue 3, col. 227–228. (In Russian).
15. *Pogodin M. P.* Issledovaniya, zamechaniya i lektsii o russkoj istorii [Research, remarks and lectures on Russian history]. Vol. V: Period udel'nyj. Moscow, university printing house, 1857, 464 p. (In Russian).
16. *Podvigina N. L.* K voprosu o meste sostavleniya Sinodal'nogo spiska Novgorodskoj pervoj letopisi [To the question of the place of compilation of the Synodal list of the Novgorod First Chronicle] Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Bulletin], 1966, Series 9, no. 1, pp. 67–75. (In Russian).
17. *Prozorovskij D. I.* Kto byl pervym pisatelem pervoj novgorodskoj letopisi? [Who was the first writer of the first Novgorod chronicle?] Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Education], 1852, Iyul', Part LXXV. CH. II. pp. 1–28. (In Russian).
18. *Senigov I. P.* O drevnejšem letopisnom svode Velikogo Novgoroda [About the oldest annals of Veliky Novgorod]. Izdanie Arheograficheskoy komissii. St. Petersburg, Printing house of the Panteleev brothers, 1885, 125 p. (In Russian).
19. *Snegirev I. S.* Novgorodskij drevnij prolog [Novgorod ancient prologue]. Russkij istoricheskij sbornik, izdavaemyj obshchestvom istorii i drevnostej rossijskikh [Russian historical collection published by the Society for Russian History and Antiquities]. Moscow, University printing house, 1839, vol. III, book 3, pp. 291–296. (In Russian).
20. *Stolyarova L. V.* Svod zapisej piscov, hudozhnikov i perepletechikov drevnerusskikh pergamentnykh kodeksov XI–XIV vv. [A set of records of scribes, artists and bookbinders of ancient Russian parchment codices of the 11th–14th centuries]. Moscow, "Nauka" Press, 2000, 543 p. (In Russian).
21. *Tihomirov I. A.* O Timofee ponomare, upominaemom v sinodal'nom spiske Pervoj Novgorodskoj letopisi [About Timothy sexton, mentioned in the synodal list of the First Novgorod Chronicle]. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Education]. 1887, March, Part SSL, pp. 28–37. (In Russian).
22. *Filaret (Gumilevskij)* Obzor russkoj duhovnoj literatury [Review of Russian Spiritual Literature]. Knigi pervaya i vtoraya. 862–1863. Izdanie tret'e. S popravkami i dopolnieniyami avtora. St. Petersburg, Ed. of the bookseller I. L. Tuzov, 1884, 511 p. (In Russian).
23. *Shcherbatov M.* Istoriya Rossijskaya ot drevnejshih vremen. T. I. Ot nachala do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Vladimirovicha [Russian history from ancient times. Vol. I: From the beginning to the death of Grand Prince Yaroslav Vladimirovich]. St. Petersburg, Ed. of the Imperial Academy of Sciences, 1770, 400 p. (In Russian).

Received 22.05.2021

Dolgov V.V., Doctor of History, Professor of the Department of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: dolgov@udm.ru